

Гелий Уралов

УТЕС

роман

Москва 2020

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Гелий Иосифович Уралов

Утес

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55987909

SelfPub; 2020

ISBN 978-5-532-04982-6

Аннотация

Студентка Наташа приезжает на каникулы домой, где чуть ли не стала причиной гибели молодого парня, приехавшего на отдых. Он тонет, она спасает его. Степан из-за болезни матери срочно уезжает. Он все время вспоминает Наташу, но вновь приехать не складывалось. Наконец вернувшись, видит, как она гуляет с ребенком, и понимает, что опоздал. Расстроенный, перед отъездом, решил посетить местную достопримечательность Утес. Случайно встретил негодяя, пытающегося бросить ребенка с обрыва, спасает его. Теперь, узнав, что Наташа мать-одиночка, предлагает руку, сердце и усыновление ребенка. Она согласна. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1. Беркут	4
Глава 2. У озера	9
Глава 3. Ксения	30
Глава 4. После неудавшегося купания	41
Глава 5. Клятва	44
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Гелий Уралов

Утес

Глава 1. Беркут

Там за горизонтом у крутого поворота реки, начинал подниматься туман. Это предвещало то, что с северо-западным ветром сюда придет непогода.

Хозяин этих воздушных просторов высоко парил в небе, делая длинные плавные круги над Утесом. Большие белые пятна на его крыльях и белый хвост с тёмной каймой были хорошо различимы, с верхней площадки. А когда он пролетал, был слышен, тонкий мелодичный посвист,

– клюх... клюх.

Он был голоден. Прошло более недели после удачной последней охоты. Пролетая справа от Утеса, он вдруг заметил двух крупных сурков. Они только вылезли из своей норы, где проживало большое семейство и, прижавшись к скале, распластали вперед своё тело и желтоватые лапки. Их песочно-жёлтая цветовая шкурка сгущалась крупными чёрной ряби на спине и хорошо просматривалась зоркими глазами беркута, способными видеть на расстоянии более километра.

Это был бы очень хороший обед. Беркут плавно начал планировать в их сторону и затем, как молния перешел в пики. Знающие люди говорят, что при этом скорость может достигать двести тридцать километров в час. А это падение на 80 метров за каждую секунду.

Совершенно неожиданно для сурка, беркут клювом, пере-

бил ему артерии на шее и зацепил своими мощными когтями. Свою добычу он понес в гнездо, расположенное на скалистом труднодоступном уступе Утеса, на высоте около пятидесяти метров над рекой. Он умел это делать. Сурок был тяжелым, беркут летел с большим напрягом, взмахивая своими огромными двухметровыми крыльями. Бедный сурок, он был так доволен своей жизнью. В норе было уютно и тепло. В течение этого дня он съел очень много разных трав и корешков, был сыт, и вот теперь плыл по воздуху на обед другому, более мощному и хищному существу. Он не понимал, что всего лишь входил элементом в так называемую пищевую цепочку, на вершине которой находился беркут. Мир так устроен, что каждый ест кого-то другого, а этот другой съедает третьего и так далее до самого верха.

Орел, стремясь из-под небес стрелою,

Грозит голубке смертью злою;

Голубка ж, как овца, должна,

Кормясь, губить ростки и семена.

«—Но, это не так», — скажите Вы.

—А, люди?

А, что люди. Они еще больше жрут, уничтожают друг друга по прихоти, какого ни будь, возомнившего из себя богом, правителя и счет тогда доходит от тысяч до десятков миллионов.

Восточный берег реки был не очень высоким, но там, где она начинала свой поворот влево, каким-то образом приро-

да возвела огромный, взрывающийся ввысь каменный Утес. Известковый камень был светлым, поэтому Утес прозвали Белым. Он грозно возвышался над местностью, а дальше за поворотом ландшафт снижался, и берег уже не имел такой высоты, какой она была на Утесе. Он значительно выдвинулся в сторону реки, и перед ним река намыла огромный естественный песчаный остров. Весенние паводки заливали его водой, а в том месте, где река соединялась с берегом, образовалась водяная прогалина, которая после схода воды, превращалось в большое озеро. Вдоль берега, где кончалась суша, озеро украшала настоящая корабельная роща из ровных вертикальных стволов сосны.

Ближе сюда, вверх по течению, раскинулись жилой поселок и престижный санаторий под одним названием – «Белый ключ» а дальше прямо по берегу озера, располагались небольшие усадебные участки. Здесь же проходила узкая дорожка, которая постепенно поднималась в сторону Утеса, а на его склоне, с давних времен бил ключ чистой хрустальной воды. Люди с любовью обустроили это место, обложили его камнями, вырезали искусственное русло в сторону озера, по которому, непрерывно стекала вниз, прозрачная вода. Это место любили все и не только люди. Попить водички сюда прибегали обитатели леса, зайцы, лисы, косули, оленята, прилетали птицы, глухари, тетерева и конечно хозяин этих воздушных просторов.

Беркут привык к здешним местам, теперь даже люди ему

не мешали, более того, иногда подкармливали, приносили на плато Утеса, в определенное место, большие куски свежего мяса. И, пролетая над Утесом, он всегда, посматривал, есть ли там что-нибудь. Но, к сожалению, мясо было не всегда, и поэтому приходилось охотой добывать настоящую пищу.

Он с трудом подлетел со своей тяжелой охотничьей добычей к гнезду на скалистом труднодоступном уступе Утеса и сбросил в него обеденного сурка. Это гнездо было основным, оно достигло трех метров в диаметре и двух в высоту. Таких гнезд у них с его спутницей, по их беркутиной жизни, было несколько. Они находились в пределах их завоеванной семикилометровой территории. Птицы вместе жили уже много лет. Сегодня подруга занималась хозяйством в другом гнезде, но вскоре должна была прилететь сюда, чтобы вдвоём пообедать.

Глава 2. У озера

Наташа проснулась. Через зашторенные окна веранды, в свободные от занавесок стекла, пробивались яркие солнечные лучи. Вставать не хотелось. Под легким вафельным одеялом Наташа потянулась, заложила руки за голову на мягкую и теплую подушку, и с огромным удовлетворением почувствовала, что она дома, что она на каникулах и не надо куда спешить по делам, а впереди целых три месяца отдыха. Дверь веранды приоткрылась, и вначале просунув мордочку, а затем и весь корпус, через нее вошел серый, ангорской породы, пушистый кот Тишка. Он потянулся, изогнул спину дугой, и широко раскрыв рот сладко позевнул. Затем Тишка посмотрел в сторону Наташи и, мягко ступая на подушечки своих лап, подошел и впрыгнул на стоящий рядом табурет. Он еще раз посмотрел на Наташу и видно чем-то очень довольный свернулся в клубочек и сладко заурчал.

– Родной, мой, – всплеснула руками Наташа.

– Узнал?!

Она схватила Тишку к себе в постель и, поцеловав его в холодный влажный нос, стала нежно гладить и прижимать к своей груди. Тишка продолжал урчать. Вчера Наташа при-

ехала поздно вечером на проходящем пароходе, и не успела толком поговорить с отцом, теперь ей очень захотелось этого, но отца видно не было дома. Он работал недалеко, озеленителем в соседнем санатории. Наташе надоело ласкать Тишку, она спустила его на пол, встала с кровати и, в коротенькой ситцевой рубашке, ступая босиком по желтым покрашенным половицам, вошла в дом. В передней комнате, служившей одновременно кухней и столовой, на столе для нее был приготовлен завтрак, покрытый белой салфеткой. Наташа отвернула краешек и посмотрела, что там? Под салфеткой были вареные яйца, кружка молока, краюха серого пахучего хлеба, творог. Она покрыла завтрак и прошла в соседнюю комнату.

На стене у старого буфета, висел большой портрет Наташкиной матери. Наташа тихонько взяла стул, поставила его подле портрета и стала внимательно всматриваться в дорогие материнские черты. Все, что она знала, со скупых слов отца и рассказов старшего брата Кости о матери, было овеяно загадочностью и тайной. На портрете мать была молодой, ей было двадцать семь. Когда сделали этот снимок, мать играла в труппе оперетты областного города, где они прежде жили с отцом и старшим братом. Её тогда еще не было. Кроме этого портрета Наташа любила еще одну фотографию из семейного альбома шестидесятых, где были запечатлены ее родители после их свадьбы у боевого самолета на аэродроме

в Германии. Отец, вся грудь в орденах, летчик – ас, мать в белом платье с венком полевых цветов на голове. На фотографии стояла дата июнь 1963 года. Они познакомились, когда мать приехала в воинскую часть с концертной бригадой. Через год, родился Костя, он был на пять лет старше Наташи.

Мать умерла во время ее родов, и горькая обида на судьбу за этот страшный случай, в котором она была без вины виноватой, всегда мучил Наташу. Кто знает, может быть совсем иначе, сложилась бы их жизнь, если бы этого не произошло. После смерти матери отец вышел в отставку и переехал сюда в поселок Белый ключ, где они поселились в большом доме деда по отцу. От деда и перешла к отцу профессия озеленителя. Мать была очень красивой. С портрета на Наташу искрилась добрые темные глаза, опущенные длинные ресницы. В обворожительной артистической улыбке, открывался ряд ровных прекрасных зубов.

Она сняла портрет, поцеловала мать, прижала портрет к груди, повесила обратно. Вернувшись в комнату – кухню, выпила кружку молока и, затем вынула из своего чемодана купальный костюм, переделалась и, набросив легкий халатик, вышла из дома. Солнце приятно припекало, было жарко. От яркого света солнца, Наташа зажмурилась. Когда она открыла глаза, то увидела море цветов, с любовью выращенных ее отцом, пышные кроны яблонь, зеленую изгородь из кустов

малины и смородины и ей захотелось обнять и расцеловать весь этот так ей родной и знакомый мир. Все здесь напоминало детство и юность, на какую – то долю секунды показалось, что она маленькая девочка и сей час из-за кустов выйдет брат Костя, схватит в охапку и начнет кружить в своих сильных руках.

– Я подброшу тебя в небо, – кричит Костя, —и улетишь туда высоко вон к тому облаку, сядешь на него верхом, и оно увезет тебя далеко, далеко! Хочешь?

Наташа смотрит вверх, там по прозрачному голубому небу, словно белые лебеди, плывут облака.

– Хочу!– кричит она.

Костя подбрасывает ее и ставит на ноги.

– Быстрее искупаться, – подумала Наташа, возвратилась в дом, взяла полотенце и через двор и огороды побежала к озеру.

Озеро было большим и глубоким. Во время половодья оно заливалось речной водой и соединялось с основным руслом. К огородам Наташкиного дома оно подходило небольшим заливчиком. У берега росли кусты ивняка, дикой малины.

Сквозь прозрачную воду было видно, как вдоль песчаного дна ходят стайки мелкой рыбешки. Наташа осмотрелась, вокруг никого не было. Она сняла халатик, и с разбега нырнула в прохладную освежающую глубину озера.

Отталкиваясь от воды плавными взмахами вытянутых ног и рук и ощущая ласкающее прикосновение теперь уже приятной воды, она плыла почти у самого дна, рассматривая его расплывчатые очертания. Она была искусной ныряльщицей, в институте занималась подводным плаванием.

— Жаль, что нет маски, — подумала Наташа и, чтобы пополнить запасы воздуха, вынырнула на поверхность, проплыла немного вперед и затем вновь скрылась под водой. Песчаное дно было чистым не занесенным илом, кое, где попадались небольшие водоросли, несколько раз серебром блеснули метнувшиеся в стороны стайки рыбок. Дно пошло вверх к берегу, и она встала на ноги. В этом месте у берега было мелко, примерно по грудь. Вода ручьями стекала с ее головы, она рукой отбросила прилипшие к лицу и закрывающие глаза волосы и вышла из воды, взяла жесткое махровое полотенце и стала с силой растирать ноги, живот, спину. Металлическая пряжка купального лифа мешала и даже чуть поцарапала спину. Она расстегнула лиф и бросила тут прямо под ноги, и чтобы дальше уже ничего не мешало, сбросила и трусики. Теперь она с еще большим удовольстви-

ем продолжала растираться. Когда она почувствовала легкое жжение всей кожи, она закончила и, подхватив, лежащие на песке свои купальные принадлежности, пошла в воду, чтобы их ополоснуть. Вода приятно освежала и, ей захотелось еще немного поплавать.

– Успею, подумала она, – и, бросив на берег купальный костюм, грудью вперед, бросилась в озеро.

Она плескалась, ударяя руками по воде, переворачивалась на спину, становилась на ноги. Случайно, посмотрев в сторону берега, она в ужасе увидела, как к месту ее резвых игр приближается парень.

– Быстрее на берег!– подумала она, но было уже поздно, парень был совсем рядом.

Тогда Наташа окунулась по шейку и, надеясь, что парень пройдет мимо, внимательно смотрела в его сторону.

Парень подошел к ее месту, остановился и, приветливо улыбнувшись, обратился к ней.

– Здравствуйте, девушка! Вы не подскажете, как пройти к источнику Белый ключ?

– Вот еще, нашел время, когда расспрашивать, – досадливо подумала Наташа, и на всякий случай, под водой, прикрыла руками, голые груди.

Он был широкоплечим в вязаной, с большими бретелями, майке в белых под джинсы брюках, мягкое, приветливое лицо.

– Ничего так, он симпатичный, – подумала она.

—Здравствуйте, – ответила она с улыбкой.

—Пройдете вдоль озера по тропинке, а затем поднимайтесь направо и выйдете на аллею, она и приведет вас к источнику.

—Спасибо, – сказал парень.

—А, вы красивая девушка.

Он немного помолчал и, вновь обратился к Наташе.

—Вода не холодная? Я еще здесь не купался.

Парню видно расхотелось идти к источнику.

– Вот, досада, – подумала Наташа.

– Не холодная, – ответила она и уже настойчиво добавила.

– Вы, идите, идите.

Но парень даже не шелохнулся. Он стоял и, по-прежнему улыбаясь, во все глаза, рассматривал Наташу.

– Уходите же, пожалуйста, – еще раз попросила она.

– Я, наверное, не пойду, – сказал парень и сел на берегу, скрестив ноги по-турецки.

– Берег общий мне тут нравится, чего мне уходить я может быть тоже, искупаться хочу.

– Как не стыдно, прошу уйти, ведь видите, что я не могу, что я не в форме, а вы.

Парень сидел и улыбался.

– Я сейчас закричу и, позову на помощь, – пригрозила Наташа

– Ну, и зови, мне нечего бояться, – спокойно отреагировал

парень.

– Ах, так!

Она схватила плавающий рядом хлыст и с силой ударила им по воде, обдав брызгами парня. При этом ей пришлось выскочить по пояс из воды. Она спохватилась и вновь опустилась в воду.

– Вот тебе, вот! – кричала Наташа еще и, еще ударяя хлыстом по воде.

– Уходи, чего уставился! – с обидой продолжала она.

Однако на парня все ее увещевания производили обратную реакцию.

– Ха, ха, ха, – кричал он, смахивая кулаком брызги, попавшие на лицо.

– Ну, еще раз и еще, это так здорово!

– Я тебе покажу, здорово! Уходи сейчас же, уходи! – совсем уже распылилась Наташа.

– И не подумаю. Я буду купаться, – серьезно объявил па-

рень и начал стягивать майку.

– Смотри, пожалеешь! – с угрозой выкрикнула Наташа, но сама потихоньку стала удаляться от берега лицом к парню.

Он отбросил в сторону майку, скovyрнул о землю туфли, глаза его были широко открыты, щеки горели. Не снимая своих белых брюк, парень пошел в воду прямо на неё. Сделав несколько шагов, он прыгнул и ринулся на Наташу руками вперед, она отскочила, нырнула в сторону, проплыла под водой, вынырнула, осмотрелась. Парень был метрах в пяти, он плыл брассом, поглядывая по сторонам, ожидая, откуда она вынырнет.

– Сказала, утоплю, не подплывай!

Парень не послушался и широкими саженками поплыл к Наташе. Она видела его возбужденное лицо, щеки, надутые от неправильного дыхания, какие-то искорки задора, стремление достать ее, взять схватить.

Она еще не понимала, что ему нужно. Для чего он плывет к ней, почему он, даже не сняв брюк, бросился с берега к ней в воду. Сознание того, что совершенно нагая делало беззащитной, ощущала неловкость и боялась, что он увидит ее наготу. И поняв, что возможно уже увидал, эта неловкость

начала переходить в раздражение, озлобление против него. Теперь она уже серьезно подготовилась обороняться, а если придется, то и дать сдачи.

Наташа глубоко вдохнула и ушла под воду ногами вниз, затем перевернулась и, рассмотрев под водой барахтающегося на поверхности парня, медленно подплыла к нему вверх. Его ноги в слипшихся белых брюках были опущены и медленно двигались в разные стороны.

Она изловчилась и, схватив парня за обе ноги, камнем потащила вниз. Он немного сопротивлялся, пытаясь задержаться на поверхности, беспорядочными движениями рук, но потом пошел вниз легче. Наташа дотянула его почти, что до дна и оттолкнула, а сама чуть отплыла в сторону. Воздуха уже не хватало, пришлось возвращаться на поверхность. Вынырнули они одновременно.

Степан, так звали незнакомого парня, приехал в санаторий Белый Ключ два дня назад. После завтрака он решил прогуляться по окрестностям. По берегу озера он дошел до того места, где купалась Наташа.

Вдруг увидев оставленные на берегу женские вещи, остановился. В это время она, словно русалка, появилась перед ним в воде у берега озера. Когда Наташа показала ему язы-

чок и улыбнулась, он не заметил, что она голая. Лишь потом, когда она смущенно опустилась в воду, прикрывая руками свои небольшие голые груди, и потом, когда она до пояса выскочила из воды, он рассмотрел всю прелесть ее голого тела, прямо посаженные девичьи груди с яркими точками розовых сосков, гладкий плоский живот. И хотя отгоняла, кричала, чтобы уходил, грозилась, что утопит, Степану казалось, что заигрывает с ним, зовет его к себе.

С этой минуты каким-то неведомым, огромной силы магнитом, его потянуло к ней, и он бросился в воду, совершенно не соображая того, что делает, подталкиваемый инстинктом потребности в женщине. Когда она затащила его под воду, он вначале немного испугался, но вдохнув достаточно воздуха, уже под водой, понял, что это Наташа. Страх от неожиданного погружения прошел, и он вынырнул, с желанием порезвиться поиграть с ней.

– Ну, как, хлебанул?– выкрикнула Наташа, когда оказалась на поверхности голова парня, и он широко открыв рот, вдохнул свежего воздуха и радостно улыбнулся.

– Может, уйдешь! – продолжила она.

Она была, совсем рядом и сквозь прозрачную, рыжеватую воду, он увидал вновь ее обнаженное тело, темный тре-

угольник у плавно двигающихся ног. Желание, с которым он прыгнул к ней в воду, вновь овладело Степаном и он, потянувшись, схватил ее за округлое плечо. Наташа извернулась, и, выскользнув от него, вновь исчезла под водой. Но Степан был на чеку, и когда она вновь попыталась схватить его за брюки, сам изловчался и, дотянувшись до нее, прижал ее руками за талию и притянул к себе. Он почувствовал прикосновение гладкого приятного тела, но воздуха уже не хватало, и он отпустил её и всплыл на поверхность. Наташа была ловчее, отпрянув от него, она вынырнула из-за его спины и, не дав ему, как следует глотнуть воздуха, притопала его за плечи.

Степан захлебнулся и, чувствуя, как запирает дыхание, в ужасе вынырнул на поверхность.

– Что, может, хватит? – ехидно спросила Наташа.

Она, плавала чуть в стороне и, отталкиваясь ногами, отгребая от себя, была готова в любой момент броситься от него в сторону. Если прежде, когда бросался к ней в воду, а затем, когда схватил в воде, его одолевало одно желание, то теперь он во много раз став более сильным, чем она, и с чувством попранного мужского достоинства неприязненно смотрел на Наташу. Он, напрягаясь, судорожно соображал, как выиграть этот поединок. Степан сделал вид, что он

держится на одном месте, и в то же время начал потихоньку подгрести в ее сторону.

– Вот еще немного, – думал он.

Наташа внимательно смотрела на него и, набирая в рот воду, фонтаном выплевывала ее в его сторону.

—Уходи, ...уходи...– тихо повторяла она.

Заметив, что парень незаметно приближается и, что в глазах появился ненормальный злой блеск, поняла, что хочет воспользоваться незащищенностью и вновь полезет к ней. Тогда точно рассчитав каждое свое движение и уловив его первую неловкость в воде, она сильным и мощным взмахом, выбросилась из воды и накрыла его своим телом. Она все больше и больше подавливала его вниз. Потом там под водой стала колотить его своими ногами и почувствовала, как большое податливое тело уходит все глубже и глубже. Когда Наташа достаточно отколотила парня под водой, она отплыла немного в сторону и стала ожидать, когда он вновь появится на поверхности, чтобы еще раз защитить себя.

Но он не появлялся.

В том месте, где только, что был парень, вода вспенилась

и кругами расходилась в стороны.

Предчувствие того, что возможно произошла беда, и он тонет, испугало Наташу. Она подплыла туда, где только что набросилась на парня, и в надежде, что он вот, вот должен выплыть, опустила голову в воду и стала смотреть, но ничего не увидела.

Тогда не на шутку испугавшись, она сделала глубокий вздох и нырнула в глубину.

Чуть правее она увидела расплывчатое скрюченное тело парня. В ужасе, что он на самом деле мог захлебнуться, она под водой подплыла к нему. Его волосы развивались в воде.

Наташа схватила за них и судорожно потащила тело вверх. Было тяжело, воздуха уже не хватало. Изо всех сил, работая свободной рукой, она вынырнула, глотнула воздух, и двумя руками вывернула скрюченное тело головой вверх.

– О, ужас, – он был неподвижен, рот чуть, чуть приоткрыт, передние зубы надвинуты на нижнюю губу.

– Быстрее к берегу, быстрее оказать помощь! Как нас учили, – пронеслись тревожные мысли.

Наташа отбуксировала парня к берегу и, схватив под безжизненно свисающие руки, изо всех сил вытащила его из воды.

– Что делать! Что делать! Язык!

Она положила парня на спину и попыталась руками разжать его рот. Но челюсти были крепко стиснуты и не поддавались.

– Нужно, что-то, нужно какую ни быть отмычку.

Наташа осмотрелась, но рядом ничего подходящего не было.

– Ах, вот! У него, что – то в кармане.

Она залезла в нашивной спереди брюк карман и, вытащила из него ключ английского замка. С трудом засунув ключ между зубов парня, надавила вверх, челюсти медленно начали расходиться и, в конце концов, разошлись. Наташа отбросила ключ, двумя руками раздвинула их до предела и, в полную мягкую слизи глотку, просунула пальцы. Язык запал, закрывая доступ воздуха. Еле, еле схватив его за кончик, вытянула язык, он вырвался из рук и она упала.

– Теперь воду! – Она, оперлась коленкой о его живот, и потянув к себе схватила за голову и плечи. Притянула, надавив его грудь о свою ногу.

– Раз, раз!– Из открытого рта слабенькой струйкой потекла вода.

– Еще раз! – вода потекла быстрее, но вскоре прекратилась.

– Теперь искусственное дыхание, как нас учили..., руки..., рот в рот..., –пронеслись мгновенные мысли.

Наташа взяла парня за руки, развела их в стороны, затем скрестила на груди, и начала их ритмично сводить и разводить. Потом сделала глубокий вдох и, прижавшись ртом к его холодным губам, вытолкнула воздух из своих легких в его. Наташа работала изо всех сил. Стало жарко, пот едкой влагой застилал глаза, скользил по голой груди, смазывал горячие ладони. Она старалась так, как только могла. Но все было бесполезно, парень не оживал. Тогда, в отчаянии, не зная, что делать дальше, она бросила безжизненное тело, села тут же рядом на сырой песок и, передергиваясь от неудержимой, исходящей, откуда – то изнутри частой дрожи, горько заплакала.

—Что – о, что – о, я на – де–ла – ла ... д-ду-р-а-а, зачем ты умер.

Бездыханное тело лежало рядом и не обращало никакого внимания на её всхлипы и стенания. Но чувство огромной ответственности за жизнь этого молодого хорошего парня, который совершенно неожиданно стал жертвой ее глупого поведения на воде. Об этом всегда и часто предупреждали в ее школе плавания, подхватило с земли и, она бросилась к парню, начав вновь и вновь делать ему искусственное дыхание.

—Оживи, оживи, миленький! Ну, что же ты! – сквозь слезу шептала она. Она даже несколько раз поцеловала его в его открытый, мокрый от ее слез рот. Но все было безрезультатно. Парень не оживал. Когда Наташа в воде набросилась на парня всем своим телом, он вместо воздуха хватанул озерной воды. Вода попала ему в легкие. Степан судорожно пытался ее откашлять и вдохнуть так необходимого воздуха, но вместо воздуха опять глотнул воду. Он почувствовал страшное состояние удушья. Затем попытался сориентироваться и, собрав все свои последние силы вырваться от окружающего мрака, но рванул не туда, куда следовало и, в ужасе понял, что все, что конец. Наступила черная мгла и его мозги, затмились какой – то пеленой. Он провалился в небытие, потерял сознание и пошел ко дну. Теперь на берегу озера, куда

вытащила его Наташа, он лежал, ничего не ощущая. Но постепенно, вдруг почувствовав, при её активном участии, что его жизнь начала возвращаться, он воскресал. Медленно, еле, еле появилось сознание. Какие – то кошмары, не имеющие определенных форм, не выражающие чего – то конкретного воспроизводились в его помутневшем мозгу. И вот в нем сработала та клеточка, которая в последний момент катастрофы потребовала добыть воздуха. Степан, движимый этим могучим требованием жизни, на какую – то долю секунды встrepенулcя, сделал судорожный вздох, рванулcя всем телом вперед и тут же, получив этот так ему необходимый импульс жизни, вновь впал в беспамятство. Это мгновение не прошло мимо внимания Наташи. Она увидела его, уже без посторонней помощи, первый судорожный вдох и еле, еле заметное движение тела. Наташа так обрадовалась, словно она сама родила – произвела на свет этого большого тяжелого человека.

—Ожил! Родной! Дыши, дыши, – вскрикнула она.

Она прижала ухо к его левой груди и услышала слабые, чуть, чуть различаемые удары сердца, встrepенулась и подпрыгнула от счастья.

—Ур – ра! –

В эту секунду, она почувствовала, что она совсем нагая, схватила свой оранжевый халатик, набросила его на голое плечо и, еле застегнув на две нижние пуговицы, нагнулась над парнем.

Грудь его уже заметно поднималась, прежде бледное безжизненное лицо чуть, чуть приобрело розовую окраску. Она присела рядом и немного приподняла его тяжелую голову. Закрытые веки медленно разомкнулись, и она увидела помутневшие, бессмысленные, голубые глаза. Веки парня закрылись, а затем вновь приоткрылись, и голубые глаза посмотрели на Наташу уже более осмысленно.

—Где, я? – чуть слышно прошептали его губы.

—Ты жив и все хорошо, – ответила она,

—сейчас я отведу тебя к себе, уложу в постель, согрею теплым одеялом, только быстрее приходи в себя.

Степан ничего не понимал, где он, что это за лицо незнакомой девушки. Кто в этом оранжевом расстегнутом халатике и, почему так приветливо улыбается и почему здесь рядом с ним. Он чувствовал огромную тяжесть во всем теле, словно на него навалили какой – то не подъемный груз. Он попробовал пошевелить ногой, но она не поддавалась, слов-

но была парализована.

—Развяжи меня, – уже более внятно, но еще очень слабо произнес Степан.

—Сейчас, сейчас, я помогу тебе, и мы уйдем отсюда, – сказала Наташа и, подложив свои руки под его спину начала потихоньку приподнимать.

—Я, сам, только поддержи.

Он попробовал опереться на свою ногу, но она всего лишь чиркнула по песчаному берегу.

—Дай я возьмусь за тебя, – попросил он и слабо оперся об ее плечи.

Тогда Наташа, взяв его под мышки начала поднимать вверх. Он был очень тяжелым и всем своим весом навалился на нее.

—Потихоньку, потихоньку, пойдем, – попросила она.

Парень сделал первый неуверенный шаг и, еле-еле передвигая ногами, поволочился за ней.

Глава 3. Ксения

Ксения Пантелеймоновна находилась в хорошем игровом настроении. Она только вернулась из сельмага, которым заведовала уже несколько лет. Она была довольна тем, что теперь, слава богу, есть на кого оставить магазин, если вот так, по необходимости, приспичит сходить домой, или отлучиться по каким-либо хозяйственным вопросам, к примеру, съездить на базу, или в правление промкооперации. При этом быть спокойной за то, что торговля будет идти нормально, и ничего ни ведомого не произойдет, а ее молодая напарница, а вскоре видно близкая родственница, не расстроит теперь уже их общее дело.

Войдя в ладный одноэтажный кирпичный дом, в котором она проживала, плотно прикрыла за собой дверь. Она прошла вдоль окон горницы, проверила, задернуты ли занавески и радостно улыбнувшись, тихо подошла к декоративной изразцовой печи. Печь давно уже не топилась, так как в подвале, мастера установили котелок и провели водяное отопление. Ксения взялась за ручку печной латунной дверки, и, повернув ее два раза вправо, открыла искусно вделанный в печь домашний сейф. В горнице стоял сухой затхлый воздух, который всегда бывает летом в закрытых не проветриваемых помещениях. Из края, белой с вышивкой занавески, пробивался яркий солнечный луч. Он своим косым крылом

захватил часть изразцовой печки и обжег левое плечо Ксении Пантелеймоновы. Но, она не обращала на это внимания. За латунной дверкой была другая, железная, которую она открыла ключом из связки, и присев на корточки, стала вынимать из сейфа, сложенные в пачки денежные купюры. Пачек было много, в основном они были тысячные и пяти тысячные, но попадались пяти сотки и сто рублевые, их Ксения Пантелеймоновна отложила в сторону в отдельную стопку. Деньги любила и мечтала сейчас о том, что вскоре, когда ее молодая напарница станет близкой родственницей, она приведет в дом и покажет эти пачки, а потом станет поучать, рассказывать, как такие деньги наживать, и что для этого следует делать. Она думала, что вскоре станет полноправной хозяйкой этого заведения, превратив его в собственный кооператив. Совесть у Ксении Пантелеймоновны была чиста, она никого не грабила, не реквизировала чужое, не воровала у добрых людей, она просто ежедневно делала свое дело, которое, как она считала, и нужно делать, работая в торговле. Внимательно оценив все богатство, Ксения Пантелеймоновна прикинула, сколько можно купить на эти деньги «Волг». Она открыла, белый, лакированный, ридикюльчик, принесенный с собой. Вынула из него несколько зеленых бумажек, аккуратно сложила их в одну, еще не совсем полную пачку, перевязанную аптечной резинкой. Затем она вздохнула от некоторого расстройтва, так, как наступило время попрощаться с этими безмолвными, но так дорогими

для нее знаками, и стала складывать все обратно. Закончив всю операцию, Ксения Пантелеймоновна утерла платочком вспотевший лоб. Встала на ноги, подошла к окошку, отодвинула занавеску, вытянула шпингалеты, и широко распахнула его. Прохладный воздух стеной ворвался в душную комнату. Ксения Пантелеймоновна, высоко приподняв свою пышную грудь, глубоко вдохнула и почувствовала приятную опьяняющую свежесть.

Стояла середина лета. Солнце искрилось на кончиках листьев пышных, распустившихся крон яблонь, отражаясь в воде зеркала озера, которое просматривалось из окна ее дома.

—Искупаться бы, — подумала Ксения Пантелеймоновна.

—Куда торопиться, с утра покупателей мало, Галина и без меня хорошо справится со всеми.

—А я, ведь еще ни разу не купалась в этом году. А как хорошо!

Ксения Пантелеймоновна, пошла во вторую комнату, открыла шкаф, достала купальник, сняла платье. Тело было потным, переодеваться не хотелось, и она решила, что искупается так, в нательном белье, а уже потом переоденется. Она накинула легкий халатик, взяла полотенце и, разувшись, босиком пошла к озеру. Когда она прошла сад и, стала спускаться по огороду, перед ее взором полностью открылся небольшой заливчик, куда она направлялась для купания.

Ксения Пантелеймонова, вдруг остановилась, как вкопан-

ная. Не зная, куда бы ей спрятаться, она быстро забежала за куст небольшой вишенки. Затаив дыхание, во всю прищуривая свои близорукие глаза, она стала наблюдать за берегом. Там на песке у самой кромки воды, лежал мужчина, а рядом около него, что – то делала, совершенно голая женщина. Девушка, нагнулась, потом распрямилась, быстро отошла в сторону, затем присела на корточки около него.

—Ну и молодежь пошла. Подумать только, какое бесстыдство! Прямо тут на глазах разделись, и ... Кто же это может быть? – подумала Ксения Пантелеймонова, напрягая свои близорукие глаза.

—Быстрее обратно, в дом, там у меня где – то есть бинокль.

Ксения Пантелеймонова тихонько выбралась из своего прикрытия и изо всех сил, по огороду побежала к дому. Бинокль такой небольшой в красивом футлярчике, вот и пригодился. Когда она, запыхавшись, вернулась, встала за ту же вишенку, вынула из футляра бинокль, и посмотрела на берег, там уже никого не было. Внутри у нее словно, что – то оборвалось, она с досадой отшвырнула на землю футлярчик от бинокля и, в расстройстве присела.

—Упустила, упустила! Что же теперь делать? – Ксения Пантелеймонова, даже забыла, что собиралась искупаться.

Немного посидела, затем подняла футлярчик и нехотя поплелась обратно домой. Тут по пути вспомнила, про свое прежнее намерение, вернулась, спустилась вниз к берегу,

сбросила халат и вошла в воду. Вода была еще прохладной и Ксения Пантелеймонова, осталась по колена, обливая свои ноги, плечи, потные подмышки. Когда она немного привыкла, она сделала несколько шагов вглубь и там два раза окунулась по горлышко.

—В – вахт, – взвизгнула Ксения Пантелеймонова и побежала на берег.

Схватив полотенце, она быстро промокнула свое охлажденное тело, накинула халат и стала снимать мокрое белье. Когда она наклонилась, то заметила на песке, брошенный ключ от английского замка, и воображение вновь унесло Ксению Пантелеймоновну к недавно увиденной сцене.

—Ну, кто же это мог быть? – судорожно думала она.

Взгляд устремился чуть выше и на кустах ивняка Ксения Пантелеймонова, увидела, брошенный женский лиф, и чуть дальше полотенце. Она подбежала к полотенцу, схватила его в руки и, словно ищейка, попавшая на надежный след, стала рассматривать и даже принюхиваться к нему.

Но так ничего не узнав, Ксения Пантелеймонова, вновь спустилась к берегу, подняла валявшийся ключ от английского замка, осмотрелась. Чуть в стороне валялись перевернутые подошвами вверх, мужские тряпочные туфли.

—Надо же, все побросали, ... видно кого – то испугались и удрали, неужто меня заметили, – взволновалась Ксения Пантелеймонова и тут только обратила внимание на хорошо отпечатанный на сыром песке, след небольшой женской ступ-

ни. След пальцами был направлен вверх от берега. Ксения Пантелеймонова повела по его направлению глазами и, совершенно случайно, остановилась на открытой калитке бекетовского огорода.

— Да, вот оно, что... Федорович – то хвалился, вскоре Наташка приедет на каникулы, – подумала Ксения Пантелеймонова. И она, обрадованная неожиданной разгадкой, внезапного исчезновения парня и девушки, стала судорожно соображать, что же делать.

— Ну и выложу я тебе, старый хлюст, – думала она про Олега Федоровича Бекетова – отца Наташки.

— Ну, и обрадую твоё сердечко отцовское. А, то уж возгордился: «Моя Наташенька, да моя Наташка»

— А она, вот с парнем... ну, и ну...!

С Бекетовым у Ксении Пантелеймоновны были свои особые счёты. Когда-то давно, когда Бекетов только переехал сюда, имела она на него, свои планы, да расстроились они после, и с тех пор носила Ксения Пантелеймонова обиду под сердцем на Олега Федоровича, перешедшую позже, в открытую неприязнь. Мысли о прошлом пронеслись быстро и, чувствуя своим женским сердцем, что вот сейчас все раскроется, и она все увидит собственными глазами, Ксения Пантелеймонова уверенно пошла к бекетовскому дому. Пройдя огородами, она вошла в бекетовский сад, на минуту остановилась у рядов разных яркого цвета гладиолусов, и тихо подошла к веранде.

Когда Ксения Пантелеймоновна зашла во двор бекетовского дома, там было тихо, но вот с веранды до нее донеслись какие-то звуки, и она подошла ближе.

—Ну, а зовут – то тебя, как? – услышала она знакомый голос Наташи.

—Степаном, – раздалось в ответ.

—Вот это, да, – у Ксении Пантелеймоновны, захватило дух.

—Они даже не знают, как зовут друг друга. И это современные нравы! Наградил же бог, Олега такой разгульной девкой, – возмущалась Ксения Пантелеймоновна.

—Она и прежде, еще в школе вела себя развязно, вечно вокруг мальчишки, гитары, песни, тут вот до чего дошло. Ну, ка посмотрю, что они там делают. С этими мыслями Ксения Пантелеймоновна взошла на крыльцо веранды и резко открыла дверь. Парень лежал на кровати, укутанный по самую шею, одеялом, на голове его было махровое полотенце, рядом с кроватью, на табурете, болтались мокрые брюки. Она сидела рядом и из ложки поила его горячим чаем.

—С приездом, тебя, Наташа, – громко, с порога произнесла Ксения Пантелеймоновна.

—Здравствуйте, тетя Ксения, ответила, Наташа, мельком, взглянув в ее сторону.

—Не твоё, ли? – язвительно спросила Ксения Пантелеймоновна, и показала, принесенное ею полотенце.

—Мое, бросьте в угол, – безразлично ответила Наташа.

Она взглянула на Ксению Пантелеймоновну, увидела в ее руках мокрое, белое полотенце, и на шее висящий бинокль.

— А бинокль то у вас для чего?

— Да, так, – смутилась Ксения Пантелеймоновна.

— Ну, ладно, я пойду, а отец то где?

— На работе.

Ксения Пантелеймоновна, повернувшись и закрыв за собой дверь веранды ушла. К себе в магазин, Ксения Пантелеймоновна, вернулась возбужденной, наполненной новыми известиями и догадками, с которыми требовалось немедленно с кем – то поделится, иначе она могла и не выдержать, и разорваться от огромного внутреннего давления. В магазине было всего два посетителя, бабка Семеновна со своей снохой Авдотьей, работавшей птичницей в соседнем совхозе.

— Ну, что я вам расскажу, бабоньки, – с порога произнесла Ксения Пантелеймоновна, обращаясь и к Галине, торговавшей за прилавком и, к знакомым ей покупателям.

«— Повесь на дверь «Учет», да и закрой магазин», – сказала она Галине.

— Может война, Ась? – Испуганно спросила под глуховатая бабка Семеновна,

— или што ишо такое?

— Да не война, бабка.

Ксения Пантелеймоновна выставила вперед одну ногу, уперлась руками на свои широкие бедра и, поблескивая своими горящими глазами, интригуяще посмотрела на жен-

щин.

—Тебе тоже уже можно, – обратилась она к Галине, – не маленькая....

—Иду это я значит вдоль берега, там корочей можно пройти в кооперацию и вижу, двое бесстыдников на берегу голые. Парень не здешний, а она, кто бы вы думали? Не знаете? Наташка бекетовская, ...только приехала и уже такое.

—И до чего мы так дойдем, я спрашиваю вас? Может у них там, в городе так и положено, но, чтобы у нас. Да раньше – то купаться вместе с парнями стеснялись, но, чтобы такое...

—Нет, эту Наташку надо проучить, ославить, пусть не позорит наш поселок.

«—Так и раньше про нее всякое говорили», – сказала Авдотья, женщина лет тридцати пяти, обремененная большим домашним хозяйством и успевшая народить уже четверых детей.

—Надо же такое, – продолжала она,

—А вы бы Ксения Пантелеймоновна, палку, да по горбам их бесстыдников.

—Не успела, убежали они, – ответила она.

—Может вы ошиблись, – скромно спросила Галина, потупив свой целомудренный взгляд.

—Не ошиблась, Галя. Я потом вернулась и для убедительности заглянула к ним в дом. И точно, парень на кровати лежит под одеялом, а она его чаем, как младенца кормит.

Бабка Семеновна, пыталась внимательно слушать, о чем говорят женщины, но так ничего и не поняла.

—Ты, Ксения помоги – к нам обувку купить Николаю, а то веть оно так, ни то ни сё...

—Помогу, помогу, бабка, какой размер – то?

—Сорок второй, – оживилась Авдотья.

—Помоги Ксения, сделай милость, а то день рождения.

Ксения Пантелеймоновна неторопливо вошла за прилавок, открыла дверь в подсобку, и подошла к полкам, где у нее был всегда «НЗ» – неприкосновенный запас дефицитных вещей. Товар этот в основном был импортным, и гордилась его наличием, что делало большую славу не только в их поселке, но и во всем районе. Только на днях приезжал председатель райисполкома со своей женой – докторшей, и она во всем им угодила. Теперь Ксения решила потрафить Авдотье и достала коробку с югославским «Партизан» туфлями на толстой подошве.

—На вот, протянула она туфли Авдотье, – когда вышла из подсобки, – таких, и в городе не найдешь.

Туфли были красивыми, и, Авдотья обрадовано осматривала их со всех сторон.

—Сколько? – спросила Авдотья.

—Тысяча восемьсот, – ответила Ксения Пантелеймоновна.

—За такое не жалко, на вот возьми, самый раз две.

Ксения отодвинула ящик, сзади прилавка, и небрежно

смахнула туда зеленые бумажки.

«— Сейчас, дам сдачи», — сказала она, роясь рукой во внутренних ящиках, нащупывая нужные сотенные.

— Да, что ты Пантелеймоновна, обижаешь? Какая сдача? За такую обувку с меня еще причитается, ... не ищи, обидишь.

«— Нет ведь у меня сотенных», — сказала Ксения Пантелеймоновна, словно и не слышала причитаний Авдотьи.

— Да, не беда, зайдешь в другой раз, получишь сдачу, ответила она, прекрасно понимая, что за этой сдачей Авдотья не придет.

Глава 4. После неудавшегося купания

От горячего чая и теплого одеяла, Степан согрелся. Постепенно память восстанавливала все, что произошло и, взяв за руку, хлопотавшую рядом прежде незнакомую красивую девушку, тихо произнес: — Ты уж извини меня, за все. А тебя, как зовут?

—Наташа.

—Мне теперь стало совсем хорошо, Наташа, ... я пойду.

—Сейчас подожди, брюки повешу на солнце, они быстро проветрятся, а ты пока полежи еще.

Она взяла его влажные брюки, вынесла их во двор, и повесила на небольшую, натянутую от угла дома к дереву, веревочку, прямо под яркое солнце. Наташа с одной стороны была очень рада, что все обошлось и, что он жив, а с другой стороны этот случай своим возможным трагизмом, запал ей глубоко в душу и вызывал леденящий страх. Когда брюки подсохли, она предложила ему одеваться и возвращаться в санаторий. Он оделся, мрачный подавленный вместе с ней спустился через огороды к озеру. По той же тропинке, по которой он пришел сюда, они вместе двинулись обратно. Подошли к санаторию. Степан сквозь зубы чуть улыбнулся и сказал,

– Ну, ты уж меня извини, пожалуйста, я ведь не хотел, чтобы так получилось.

– Степан я тоже очень переживаю о том, что произошло, нужно понимать, что нельзя так себя вести на воде – это очень опасно.

– Но, слава богу, все обошлось, и ты жив. Как ты теперь себя чувствуешь – спросила Наташа.

– Да вроде бы оклемался – ответил он.

– Наташа, разреши мне я приду еще к тебе, когда оправлюсь, – попросил Степан.

– Приходи, хорошо, – ответила она.

Но, к сожалению, этому не было суждено свершиться. На следующий день Степана пригласили в регистратуру и вручили телеграмму с отметкой "Молния", которая пришла из его города. В телеграмме сообщалось "Степан срочно приезжай мама в тяжелом состоянии Ольга". Телеграмму подписала сестра.

Он собрался, и срочно уехал. Прилетев в свой город, прямо из аэропорта поехал в больницу, в которой была мама. Она была в очень тяжелом состоянии. Почти не говорила, еле-еле открывала глаза и не узнавала своего сына. В течение целого месяца родные и близкие, врачи принимали меры и находились около неё, но, к сожалению, она не приходила в сознание. И только на вторую неделю после месяца тяжелых переживаний мама начала выздоравливать. Теперь после длительных переживаний у постели мамы Степан вспом-

нил о Наташе, он детально перебирал в памяти каждую минуту того, что с ним произошло. Перед ним воссоздался образ этой чудесной девушки. То она нагая в воде, то она внимательно и ухаживает за ним, то она серьезно беспокоиться о его здоровье.

– Я обязательно вернусь и встречу с тобой, – решил он.

С этими мыслями приступил к делам, а затем работа затянула его. Он был архитектором. Архитектурная мастерская, конкурсы, новые проекты. Прошло более года. Он не забыл о Наташе, он все время хотел приехать, но никак не получалось.

Глава 5. Клятва

Летняя ночь была коротка. Густой неподвижный воздух приятно обдавал ласковым теплом. С вечера сухая трава нежно щекотала икры голых Наташиных ног. Она шла напрямик, лишь иногда попадая на узкую тропинку. Перебирая в памяти суматошный вчерашний день, свои хлопоты, досадные неудачи, глупые несовпадения между намеченными и действительными событиями, Наташа никак не могла понять,

— а нужно ли было все это вообще, — и решила,

— в конце концов, то, что произошло, должно было произойти. Я сама этого захотела.

— А может спросить у него?

Сзади, отстав на несколько шагов, плелся Виктор. В его фигуре чувствовалась какая-то неуверенность, руки неподвижными плетями свисали с широких плеч, голова была опущена вниз к еле различаемой в темноте, узкой ленточке дорожки.

— Нет, не буду, — подумала она.

Постепенно небо, усыпанное звездами, начало наполняться рассеянным сумеречным светом. На востоке у самого края горизонта чуть занималась заря. В размеренную утреннюю тишину, издалека, с той стороны реки, врывались разные звуки. Это были: всплеск спущенной на воду лодки,

скрип сухих весельных уключин. Виктор шел и думал о том, что через неделю, в следующее воскресенье, у него с Галиной назначена свадьба и, что они вначале поедут в ЗАГС, а потом на трех "Жигулях" вернутся домой. Там прямо во дворе, между старых яблонь, будут установлены столы. Придут гости, чинно рассядутся, будут поздравлять его и Галину с законным браком. А тут как на грех, связало его с этой Наташкой. Еще кто ни будь, увидит их и об этом узнает тетка Ксения и Галина. А она, плюс ко всему, оказалась, совсем не той, за кого себя выдавала. Посветлело, узкая розовая полоска у горизонта расширилась, ярко загорелась кровавым заревом. Виктор догнал Наташу, схватил ее за руку, потянул к себе.

—Почему ты не сказала?.. Я ведь не знал!.. – После, случившегося он был напуган, совершенно не хотел причинять ей боль. И, то, что неожиданно произошло между ними, оказалось, по взаимному случайному влечению. Она вырвала руку, отскочила от него и, притопнув каблучками по твердому суглинку, задорно вскрикнула:

—Э-э-эх, Витенька! Чему быть, того не миновать!

—Я сама захотела... Да, те-то, чо? Не бойся, на шею не повешусь!

—Да, не кричи ты, еще кто услышит – досадливо сказал Виктор.

Ночные звезды погасли и небо, подсвечиваемое еще невидимыми зелеными лучами восходящего солнца, заиграло

нежной прозрачной голубизной. Наташа стала напротив Виктора. В расстегнутой трикотажной кофточке, под которой округло вырисовывались упругие девичьи груди. В длинной ситцевой с разрезом юбчонке, плотно облегающей ее гибкий стан, высокая, стройная, она была еще более привлекательной, чем раньше. Из-за ее плеч, растрепанных, густых, челкой спадающих до самых бровей каштановых волос, медленно появлялось солнце. Вспухшие, искусанные губы улыбались, вишнево черные глаза озорно искрились.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.